

В мире совершенствующихся бытовало негласное правило: держаться подальше от простых смертных. Обычных людей не просто избегали — с ними старались даже не соприкоснуться, чтобы не сеять среди них лишнюю смуту и страх.

Если уж глава секты велел прогнать кого-то прочь, значит, человек явно не дотягивал до того, чтобы переступить порог секты.

— Да разве я упомяну всех... — проворчал Сюань Чжи. Заметив любопытство во взгляде Нин Цзэ, он нехотя добавил: — Кажется... у неё было пять духовных корней.

На самом деле у той женщины, как и у Нин Цзэ, был худший вариант пяти корней, но Сюань Чжи выразился туманно, боясь лишний раз задеть мальчишку.

Они подошли к воротам. Снаружи гулял лёгкий ветерок, заставляя ледяные кристаллы под карнизом звенеть, словно крошечные колокольчики.

Сюань Чжи замедлил шаг, вкрадчиво предложив:

— Может, ты подождёшь здесь? А я ещё разок поговорю с шишу...

Договорить он не успел: Нин Цзэ, едва переступив порог, рухнул на колени.

Секта Тяньсюань располагалась на вершине пика Даньхуа, где царил пронизывающий холод. Земля у ворот покрылась тонкой коркой льда. Стоило коленям коснуться её, как стужа заставила мальчика содрогнуться.

Слабый поток духовной энергии внутри тела отозвался сам собой, пытаясь изгнать ледяное оцепенение, и лишь тогда Нин Цзэ стало чуть легче.

Сюань Чжи так и подпрыгнул от неожиданности.

Он понимал, что для Нин Цзэ отказ стал тяжёлым ударом, и сам чувствовал вину, но такая решимость мальчика оказалась для него полной неожиданностью. Культивация у него слабая, сам он ещё ребёнок, да и тело наверняка слабее, чем у взрослого. На таком морозе долго не выдюжить.

— Ты что творишь!

Сюань Чжи хотел было поднять его, но Нин Цзэ твёрдо оттолкнул его руку:

— Старший брат Сюань, вы и так мне очень помогли. Раз Верховный старейшина не желает

видеть меня в секте, я не сделаю внутрь ни шага. Если действительно хотите помочь — оставьте меня в покое.

Сюань Чжи и злился, и места себе не находил:

— Да как я тебя оставлю?! Смотреть, как ты тут на коленях замерзаешь? Тяньсюань — не единственное место на свете. Пойдём, я отведу тебя в школу Цюнхуа, их глава — мой добрый знакомый...

Видя, что Нин Цзэ молча слушает, но даже не шелохнётся, Сюань Чжи почувствовал, как опускаются руки.

Что за день сегодня такой? Сначала шишу повёл себя странно, а теперь и этот ребёнок, который ещё пару дней назад улыбался и со всем соглашался, вдруг проявил такое ослиное упрямство.

— Ладно, хочешь стоять на коленях — стой. Я буду рядом, — сдался Сюань Чжи.

Нин Цзэ ощутил укол совести пополам с благодарностью. Снаружи, за пределами защитных массивов Тяньсюань, ветер, хоть и казался тихим, кусал немилосердно. Даже практикующему совершенствованию было неуютно долго находиться на таком холоде.

Они были знакомы всего четыре-пять дней, и такая преданность со стороны старшего не могла не тронуть.

Вот только... неужели Сюань Чжи не догадается сначала сообщить Мо Си о том, что он здесь?

Такого поворота Нин Цзэ не ожидал, но отступить было поздно. Оставалось только ждать.

До этого Мо Си уже заступался за него перед Янь Сюэцзы, а теперь, узнав от Сюань Чжи, что старейшина раньше позволял слабо одарённым людям вступать в секту, Нин Цзэ решил рискнуть. Он будет стоять здесь день, два — сколько потребуется.

Либо его примут, либо он так и останется здесь навеки!

Если не удастся тронуть сердце Мо Си, то, может, удастся привлечь внимание других. По прошлой жизни Нин Цзэ знал, что в Тяньсюань чтут праведность, и большинство учеников — люди достойные. Вряд ли они позволят ребёнку просто погибнуть у своих ворот.

Нин Цзэ понимал: после перерождения он становился всё более неразборчивым в средствах.

Но если бы у него был другой выбор, он бы никогда так не поступил.

— Шишу Сюань? — мимо проходил ученик четвёртого поколения в зелёных одеждах. Он с недоумением воззрелся на Сюань Чжи, чьи губы посинели от стужи, а затем перевёл взгляд на коленопреклонённого Нин Цзэ. — Что здесь происходит?

Раз уж Сюань Чжи решил составить компанию, он сделал это по-настоящему: полностью скрыл свою духовную энергию, лишив себя защиты от холода. Ноги его уже затекли и одеревенели, а голос дрожал, когда он ответил:

— Пустяки, ничего особенного. Погода больно жаркая, вот вышел проветриться.

Ученик поперхнулся воздухом. Одарив старшего странным взглядом, он выдавил:

— Смотрите... не простудитесь.

Нин Цзэ, слушая их перепалку, едва сдерживал смех, но лицо настолько онемело, что он не мог даже пошевелиться.

Он простоял здесь уже целый день. Желудок сводило от голода, тело колотила дрожь. Скучные запасы духовной энергии давно иссякли. Пожирающая души лиана пытался делиться с ним силами, чтобы согреть, но он сам лишь недавно пробудился, и его энергия быстро подошла к концу.

Ветер, казалось, проходил сквозь одежду, пробирался под кожу и превращал костный мозг в лёд.

Ученик уже собирался войти внутрь, когда Сюань Чжи внезапно окликнул его:

— Постой! Найди старшего брата У Гуана. Передай ему, пусть сходит на пик Цинхуа к старейшине Мо. Скажи, что Нин Цзэ стоит здесь на коленях уже целый день!

Нин Цзэ готов был расплакаться от облегчения.

Наконец-то Сюань Чжи догадался доложить... Значит, всё это было не зря.

— Нин Цзэ стоит у ворот на коленях. Весь день, — У Гуан стоял перед Верховным старейшиной, передавая слова Сюань Чжи.

— Скажи Сюань Чжи, пусть возвращается и не потекает глупостям, — распорядился Мо Си. Помолчав, он добавил: — А до мальчика... вам дела быть не должно.

У Гуан хотел было возразить, но, встретившись с холодным взглядом Мо Си, не посмел. Ему оставалось только откланяться.

Упрямство Нин Цзэ застало Мо Си врасплох.

Будь на его месте кто-то другой, он бы и бровью не повёл, но Нин Цзэ спас ему жизнь. Он не мог допустить, чтобы мальчишка просто замерз там насмерть.

И всё же Мо Си не хотел, чтобы тот ввязывался в дела мира совершенствующихся — это болото затягивало безвозвратно. Те, кто был снаружи, рвались внутрь, мечтая о бессмертии, но те, кто уже вошёл в этот круг, часто отчаянно искали выход.

За тысячу лет Мо Си видел гибель множества ярких талантов и не желал Нин Цзэ такой же участи. Если бы это был кто-то другой, ему было бы всё равно, но здесь...

Эти мысли не давали ему покоя, мешая сосредоточиться на медитации.

К тому же старые раны после небесного бедствия всё ещё ныли — на полное восстановление уйдёт не меньше полувека, так что спешить было некуда. Он покинул свои покои на пике Цинхуа и направился к подножию Даньхуа.

Не желая показываться Нин Цзэ на глаза, Мо Си остановился в тени, не доходя до ворот.

Маленькая фигурка в неверном свете фонаря выглядела бесконечно одинокой и хрупкой.

Было видно, что мальчик измотан до предела. Он бессильно склонял голову вперёд, но каждый раз он, словно очнувшись от резкого толчка, вновь упрямо выпрямлял спину.

Мо Си смотрел на него, не в силах отвести взгляда.

Он всё ещё помнил тот момент: едва уцелев под ударами молний, он очнулся в тесной комнатке, терзаемый невыносимой болью, и первое, что увидел — пару тёплых, ясных глаз.

Тогда, благодаря помощи Нин Цзэ, его сознание начало медленно проясняться.

Взгляд этого ребёнка был странным — в нём читалась не по годам взрослая мудрость, смешанная с какой-то необычайной нежностью и состраданием. С тех пор как восемьсот лет назад Мо Си достиг стадии Золотого Ядра, никто не смел смотреть на него так.

Когда Сюань Чжи и У Гуан привели Нин Цзэ сюда, Мо Си был поражён и даже, в глубине души, немного обрадован.

Правда заключалась в том, что будь у мальчика хоть немного больше способностей, Мо Си никогда бы не заставил его проходить через такие унижения и страдания. Но реальность была сурова.

Нин Цзэ ещё мал, он не понимает, на что идёт. Им движет порыв.

К тому же, сколько его тело сможет выдержать? Стоит ему прочувствовать на себе всю тяжесть этого пути, как он сам отступится.

Мимо проходил ученик. Заметив Мо Си, он хотел было поклониться, но старейшина едва заметным жестом велел ему идти дальше.

Этот ученик уже видел Сюань Чжи, «проветривающегося» на морозе, а теперь застал и Верховного старейшину, взирающего на ребёнка с непонятным выражением лица. Ученик в замешательстве почесал затылок, а когда обернулся, увидел, что старейшина всё так же неподвижен. Его одежды трепетали на ветру, а сам он походил на сошедшего с небес небожителя.

«Сначала шишу Сюань, теперь Верховный старейшина... Что это за ребёнок такой?» — думал он.

«Может, это незаконнорожденный сын старейшины?»

От этой мысли он едва не подпрыгнул, мысленно пробормотал извинения за святотатство и поспешил прочь.

Но мальчик и впрямь был хорош собой — чистый, изящный, под стать самому старейшине. Словно сошли с одной картины.

Погода в горах переменчива. К рассвету небо затянули тяжёлые тучи, и вскоре в воздухе закружились первые редкие снежинки.

Мо Си стоял неподвижно, глядя, как белое пятнышко опустилось на его чёрное, как тушь, одеяние.

Снег...

Нин Цзэ простоял на коленях всю ночь.

Несколько раз Мо Си порывался выйти к нему, но сдерживался. Нельзя было сдаваться сейчас.

Стоя на страже всю ночь, Мо Си и сам почувствовал усталость. Его раны давали о себе знать, и хотя тело могло вынести и не такое, дух требовал отдыха.

К тому же, будучи змеей по своей природе, он ненавидел холод. На его пике Цинхуа всегда работали массивы обогрева и били горячие источники, поддерживая вечную весну.

Он надеялся, что Нин Цзэ, ведомый детским капризом, быстро сдастся.

Мальчик выглядел таким нежным, словно его всю жизнь баловали и лелеяли. Мо Си и представить не мог, что этот хрупкий ребёнок действительно проведёт целые сутки на ледяном ветру у ворот.

В итоге им обоим пришлось мёрзнуть всю ночь.

При мысли об этом сердце старейшины невольно дрогнуло.

Он увидел, как фигурка впереди шевельнулась.

Неужели предел достигнут?

Нин Цзэ действительно был на грани.

Тело онемело, перестав подчиняться. Даже если бы он захотел встать, ноги не слушались.

Мир перед глазами плыл и расплывался. Он уже не понимал, не в обмороке ли он, не снится ли ему всё это.

Ощущая, как снег мягко ложится на голову, Нин Цзэ попытался улыбнуться, но вышла лишь жалкая гримаса.

Он переоценил свои силы... и стойкость этого тела.

Преодолевая слабость, он упёрся ладонью в ледяную землю, чтобы не упасть, и поднял взгляд на вывеску — три каллиграфических иероглифа: Секта Тяньсюань.

Похоже, им и впрямь не по пути...

Чувствуя, что силы окончательно покидают его, Нин Цзэ попытался подняться. Он дрогнул в

коленях, тело подвело, и он начал заваливаться на бок...

В это мгновение перед ним мелькнула чёрная тень, и чьи-то сильные руки подхватили его, не давая коснуться льда.

Нин Цзэ, уже готовый забыться беспмятством, распахнул глаза.

<http://bllate.org/book/17490/1711062>